

ЛИЦА

Марина ПЛЯСКИНА

Артур Лотарев

Архитектор — не элитная профессия

Артур Лотарев — главный архитектор компании «АкадемСтройИнвест». Архитектурное проектирование совмещает с интерьерным дизайном. Считает, что на результатах профессиональной деятельности архитектора положительно сказываются занятия спортом и умение свободно мыслить.

— Артур, как вы пришли в эту профессию?

— Я в профессию попал вроде бы случайно, а в то же время и не случайно. Случайность заключалась в том, что в здании на площади Ленина, где теперь находится НГАХА, был Сибирский кадровый центр (СКЦ). А мне нравилось здание. И я решил поступать в этот СКЦ, начал готовиться к экзаменам. Потом центр переехал, а в здание стали завозить скульптуры, огромные стеллажи, целые пачки чертежей и рисунков. Оказалось, туда начал въезжать архитектурный институт. И тут до меня дошло, что я-то на самом деле хотел в архитектурном учиться! Я записался на подготовительные курсы, стал ходить на рисунок... До этого рисовать нигде не учился. Любовь к чистому рисунку во мне убили еще в детском садике, когда я нарисовал Ленина, и меня там при всех опозорили, сказали, что не имел права рисовать, потому что это святое, что на это нужно разрешение получить... После этого Ленина я понял, что надо рисовать самолеты и автомобили. Рисовал планировки зданий. А еще до этого, помню,

мы с другом четырехлетними пацанами в парке выкладывали из веточек деревянный дом на двух хозяев: ты будешь в этой половине жить, а я в этой...

То, что мне удалось поступить, можно считать везением, потому что подготовка была не очень хорошая. Что такое перспектива, мне объяснили только на первом курсе: оказывается, даже у человека, если смотреть со стороны, все линии лица сходятся в одной точке. У меня до сих пор хранится рисунок: я тренировался и нечаянно нарисовал человека в антиперспективе — там все линии расходились...

— А каким образом попали на учебу в Германию?

— Одно время к нам в Академию приезжали с лекциями преподаватели из Германии. Среди них был профессор Ширмер, который преподавал историю архитектуры в городе Карлсруэ. Так вот, он хотел, чтобы российские студенты поучились в Германии — в качестве компенсации за тот вред, который был нанесен нашей стране во время Второй мировой войны. Как он

объяснил, ему очень стыдно за то, что был фашизм и что в России погибло столько людей. Он сказал, что готов пригласить двух человек за счет немецкой стороны. Требования — знание немецкого и хороший рейтинг. У меня рейтинг был высокий и немецкий язык более-менее нормальный. Поэтому меня выбрали, и я поехал в Германию.

— Что это вам дало?

— Каких-то особых практических навыков я не получил. Ну, в библиотеках поработал, немецкий разговорный подучил. Самое полезное, что я вынес из этой поездки, — посмотрел, как там люди работают. Как они свой творческий процесс организуют. Насколько у них кругозор шире, чем у нас. У наших студентов очень сильная зашоренность, а они там абсолютно свободны. И вот эту «абсолютную свободу» я попытался перенести сюда, в Россию.

— Получилось?

— Немного, по крайней мере, стараюсь, насколько это возможно в нашей реальности. Еще в Германии я понял вот что: хоть и говорят, что за границей у архитекторов жесткая специализация, но это происходит после того, как они проработают несколько лет. А вначале они совершенно свободны в выборе направления. Если посмотреть на ту архитектуру, на те идеи, которые зарубежные архитекторы демонстрируют всему миру, — нам до них далеко. Может быть, если бы нас со школы учили свободе мысли, тогда мы тоже дотягивали бы до этого уровня. У них очень высокая плотность мозгов. Конечно, мы видим только тех, кто поднялся наверх, кто стал звездой, а «средняя масса» такая же, как у нас. Но там весь образовательный процесс нацелен на то, чтобы «выцелять» этих звезд, развивать нестандартность мышления. В университете, например, давали такое задание для студентов: сделать модель некоего архитектурного объекта, который был бы при этом еще парашютом. К этому дому-парашюту привязывали сеточку с куриным яйцом и сбрасывали с четвертого этажа. Если модель спускалась плавно и яйцо не разбивалось, значит, объект хорош. Вообще, там много фишек в университете. На каждом углу, на каждой стене — какие-то идеи. И потом, в Европе очень высокая культурная плотность. Студенты могут себе позволить, допустим, после того как прослушают лекции по особенностям архитектуры Рима, в выходные сесть на поезд и съездить в Рим.

Была еще одна важная вещь, которую я осознал после поездки. До этого нам в институте внушали, что архитектор — элитная профессия, что мы элита общества. А попав в Германию, понял: ну, архитектор — и что? Это просто тяжелая работа. Элитным ты можешь стать после того, как отработал много лет, у тебя свое архитектурное бюро... А пока нечего выпендриваться — надо просто нормально работать.

— После института вы преподавали в НГАХА?

— Да, но это продолжалось совсем недолго: я тогда работал в «Военпроекте», и времени катастрофически не хватало. Потом меня приглашали в аспирантуру, предлагали остаться преподавать, но я подумал, что мне самому еще учиться и учиться. Думаю, лет 20 еще не смогу никого учить. И чем дольше работаю, тем отчетливее понимаю, что знаний у меня пока еще недостаточно. В одном журнале я прочитал, что в Японии проходит ежегодный конкурс молодых архитекторов, причем возраст участников — не моложе 40 лет. То есть, архитектору исполняется 40 лет — и только тогда он считается перспективным.

— А вы в конкурсах участвуете?

— Раньше участвовал, сейчас нет. К открытым конкурсам на конкретные объекты местного значения отношусь скептически, но в международных архитектурных конкурсах можно было бы поучаствовать — это полезно для того, чтобы немного «расшатать» себя. Однако на это нужно время, а сейчас !•

работы очень много, есть интересные объекты, поэтому готовиться к конкурсам не хватает ни времени, ни сил.

— **Артур, вы сейчас занимаетесь и дизайном интерьеров, и объемной архитектурой. Для вас это равные направления?**

— После института я какое-то время занимался преимущественно интерьерным дизайном. Был даже период, когда мы с товарищем решили сами делать мебель из стекла для интерьеров — поскольку некоторые вещи нельзя было купить. Правда, очень скоро мы от этой идеи отказались, потому что, как выяснилось, я не бизнесмен и не производитель. Для творческой личности производство просто губительно! Мне всегда больше нравилось заниматься архитектурой, а не ругаться с рабочими из-за воровства и пьянства. В академии я защищал диплом на кафедре архитектуры гражданских зданий, мечтал делать объемные работы. И когда появились заказы на проектирование зданий, естественно, архитектура стала основным направлением. Сейчас наша фирма берется за интерьеры, как правило, в том случае, если мы проектируем здание и заказчики просят сделать там интерьер. «Со стороны» интерьеры практически не берем. То есть, у нас получается примерно такое соотношение: 22 здания и 2 интерьера.

— **После объемной архитектуры не кажется ли интерьерный дизайн чем-то несерьезным?**

— Нет, абсолютно. Наоборот... Даже Заха Хадид мебель проектирует! Это просто другой масштаб работы, но плотность мысли-то, в принципе, одинаковая. Когда работаешь над зданием, приходится охватывать большие объемы: пространство, допустим, в 20 тысяч квадратных метров надо осмыслить, продумать

этому какие-то идеи приходят потом и в архитектуру. То, что я около 8 лет занимался мелкими интерьерами, очень сильно помогает работать с большими объектами: когда ощущаешь масштаб одной квартиры или одного офиса, то понимаешь, как будет размещаться внутри та или иная семья или фирма. Тогда тебе проще конструировать всю структуру здания. У нас есть заказчики, которые изначально ставят комплексную задачу: к примеру, заказывают нам проект офисного здания с интерьерами. И это сказывается на результате: проектирование получается намного конкретнее, потому что ты знаешь, что здесь будет, допустим, кабинет генерального директора, а здесь — переговорная. С таким опытом проще проектировать так, чтобы потом дизайнеры меньше переделывали наши планировки.

— **А можно строить так, чтобы совсем избежать перепланировок?**

— Не всегда... Смешно, но мы сами переделываем квартиры в домах, которые проектировали. Ну вот смотрите: есть задание на проектирование, которое формирует заказчик проекта, — крупная инвестиционная или строительная компания. Допустим, мы проектируем жилое здание, в котором будет сто восемьдесят квартир. Какие основные требования к проекту? Не выйти за рамки нормативных документов. Нарезать квартиры так, чтобы была инсоляция, соблюдались пожарные нормы, чтобы конструктивно все было надежно... Очень многоплановая работа. А потом кто-то покупает эти квартиры — и заказчик меняется. Все, в этом доме началась другая эпоха. И совершенно невозможно заранее предугадать те тысячи идей, которые придут в голову владельцам этих квартир...

— **Над какими крупными проектами вы сейчас работаете?**

— Наша фирма в Кемерове делает интерьер для РАО «ЕЭС», это наши давние заказчики. В Новосибирске проектируем несколько жилых зданий. Например, на улице Свердлова по наше-

планы, фасады, конструктив. И работа соотносится с масштабами района или города. А в интерьере ты работаешь над сотней квадратных метров, но уже в масштабе, который соотносится с конкретным человеком. И это не менее сложно, потому что надо дойти до каждой мелочи. От общего к частному, от частного к общему — этот подход здесь четко работает. Я уверен, что полезно иногда отвлекаться от объемки и делать интерьеры. Благодаря

му проекту будет строиться 23-этажный элитный дом с огромной подземной автостоянкой под двором. Еще один крупный заказ — проектирование жилых домов для ВАСХНИЛа, где достраивается второе полукольцо. Кроме того, мы сотрудничаем с двумя турецкими строительными компаниями. С одной делаем проект здания для «Белона» на площади Маркса, а с другой — комплекс из двух 140-метровых зданий «Скай-Сити» на улице Кирова у станции метро «Октябрьская». Это нашумевший в свое время проект, эскиз которого выполнили японские архитекторы. Там должны быть не только полностью стеклянные фасады, но и стеклянная крыша. Одна беда: этот проект абсолютно не учитывает нормы по безопасности и наши климатические условия. В городе просто нет энергоресурсов, чтобы отапливать такое здание. Ну и к тому же японцы не учли, что вокруг этого комплекса много других зданий — нарисовали его «в чистом поле». Вот теперь мы этот проект адаптируем к реальности, причем так, чтобы не нарушить их авторские права... Строительство этого комплекса должны были начать полгода назад, но из-за сложности согласований дело затянулось, и пока там нет ничего, кроме забора. Недавно они решили наказать виновных. Знаете, кого уволили? Переводчика! Теперь-то точно все с места сдвинется! Я иногда думаю: надо будет в старости сесть и написать книгу — «Особенности национального проектирования».

— Среди ваших объектов есть такие, которые вы считаете самыми удачными?

— Есть такие, которые мне просто нравятся, — например, здание «Ланта-банка» в Новосибирске. Есть проекты, которые сейчас в работе, и я знаю, что они будут красивыми, когда будут построены. Но все равно, ощущение такое, что это все маленькие, местечковые такие объектики, а не то, чего хочется архитектору.

— А чего хочется архитектору?

— Каждому архитектору хочется сделать прорыв — в конструктивном плане, в функциональном, в объемном. Сложный объект хочется сделать — и чтобы он при этом был цельным. Но пока у нас таких заказов нет. Я думаю, что в ближайшие несколько лет поработать над такими объектами не получится. Не хватит ни у строителей технологий, ни у заказчиков денег.

— Московские компании, которые приходят на наш рынок, не исправят положение?

— Нет, высокой архитектуры в проектах пока нет. Их не интересует внешний облик далекого сибирского города, это совершенно точно. Для них важно количество квадратных метров, количество парковочных мест, коэффициент соотношения общей и полезной площади. Все. По фасадам — чем дешевле, тем лучше. В принципе, эта тенденция будет и дальше развиваться, потому что сейчас недвижимость — это, прежде всего, квадратные метры на продажу.

— Баланс между выгодным бизнесом и красивой архитектурой вообще возможен?

— Возможен, если заказчик строит здания для себя. Почему, например, в интерьерах проще реализовать какие-то интересные решения? Потому что здесь заказчик — конкретное лицо, он заказывает проект для себя. А когда строительная компания просто «отбивает» квадратные метры — о каких архитектурных решениях можно говорить? Современное состояние архитектуры — это портрет заказчика начала XXI века.

— Тогда как же быть с творческой самореализацией?

— Решение практически невыполнимых задач в условиях жестких ограничений действующими нормами и правилами — это очень творческий процесс! Когда удается что-то построить не «благодаря», а «вопреки», просто сам себе завидуешь... Ну и к тому же, если архитектор начинает думать только о творческой самореализации, он может забыть, что потребителями его | •

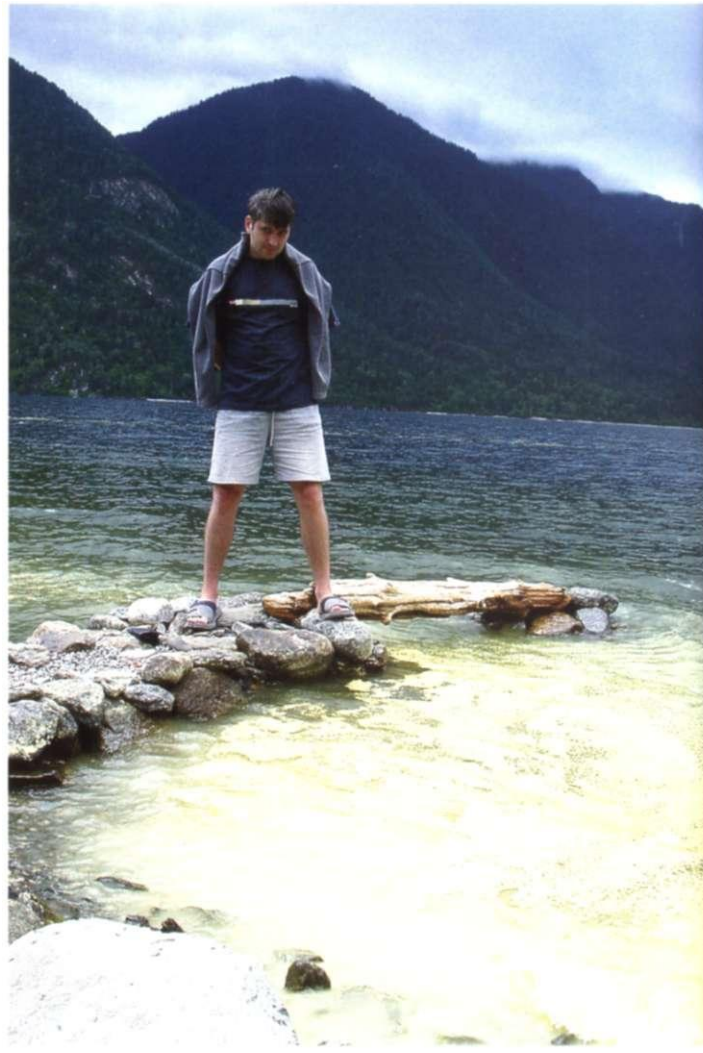
труда являются другие индивидуумы. Тогда может возникнуть ситуация, когда люди не понимают и не принимают то, что он делает. Поэтому многие творческие люди ломаются, уходят из профессии.

— У вас есть собственные критерии успешности проекта? Или главное — чтобы заказчик был доволен?

— Доволен ли заказчик — это очень относительный критерий. Он никогда не доволен, это я понял по себе — когда сам себе дом проектировал. Модно — это вообще для меня не критерий. Использование каких-то материалов — тоже. Поэтому пока стараюсь в этот «дремучий лес» не лезть. Могу быть доволен проектом, например, если объект получается функциональным и удобным. Когда смотрю, допустим, на интерьеры или здания, которые делают мои коллеги, стараюсь отмечать для себя какие-то интересные моменты. Но оценивать кого-то, а тем более судить, не стану. К тому же всегда нужно учитывать исходные данные: может быть, там были такие технические условия, что получившийся результат — это просто супер, по сравнению с тем, что было изначально. Так что, в каждом конкретном случае нужно разбираться, почему автор сделал именно так, а не иначе.

— Артур, на что-то кроме работы время остается?

— Четвертый год серьезно занимаюсь восточными единоборствами, по 4 - 6 тренировок в неделю. Пошел в «додзэ» (зал для занятий боевыми искусствами), потому что понял: если непрерывно сидеть за компьютером, можно потерять последнее здоровье. Сначала занимался айкидо, оно мне всегда нравилось. Позже мне очень повезло: я узнал, что есть более древнее японское боевое искусство — синкагэ-рю, которое лежит в основе многих боевых направлений, в том числе и айкидо, и каратэ, и дзюдо. Синкагэ-рю переводится как «Новая школа тени». Ее

— А что привлекло вас?

— Философия, внутреннее содержание. То, как последователи этого учения относятся к жизни. Как это отражается на их повседневном поведении. Насколько они уравновешены, спокойны, внимательны друг к другу. Я начал интересоваться Востоком, его культурой, философией, читать литературу, учиться писать иероглифы. В ноябре прошлого года в составе российской делегации съездил на двухнедельный семинар в Японию.

— Сейчас многие увлекаются Востоком...

— Да, потому что надоел гламур. Но для большинства увлечение Востоком — это дань моде. Мода скоро пройдет, и они переключатся на что-нибудь другое. Останутся те, кого по-настоящему зацепило.

— В работе ваше увлечение как-то помогает?

— Да, очень сильно. Во-первых, лучше чувствуешь себя физически. Во-вторых, начинаешь более четко структурировать время, убираешь лишние движения. Ведь что такое боевые искусства? Это мгновенная и адекватная реакция на любое событие. Появляется другое отношение к жизни: понимаешь, что не надо расплятыться, что все можно найти в самом себе. Что работа — это еще не все в жизни. И что всех денег незаработать... И что многого в жизни не надо... Ну и дальше в таком же духе (*смеется*).

Архитектору обязательно нужна физическая нагрузка. Ведь если ты не бегаешь по стройке, а сидишь за компьютером и работаешь мозгами — это может закончиться не слишком хорошо. Так что неплохо иногда отвлекаться и размяться физически. Может, это и на архитектуре как-то скажется!

основал в XVI веке легендарный японский самурай Камиидзуми. Это работа и с оружием, и без оружия, причем против любого количества нападающих. Но в конечном итоге поединок не главное: мастер синкагэ-рю стремится к тому, чтобы вообще не было никакого столкновения. К тому, чтобы не было конфликтов, а значит, и противников. Это очень сложная боевая техника, требующая огромной внутренней работы. Синкагэ-рю занимаются немногие: в России, наверное, человек тридцать, в Японии — около двухсот человек, а во всем мире — не более трехсот человек. Даже сейчас в Японии эта школа считается элитной, а раньше этой боевой технике обучали сегунов, по-нашему — президентов страны.